в системе современного словообразования составляет главное содержание книги. Именно этот принципиально новый подход к рассмотрению синхронного словообразования придаст работе Е.А. Земской особый интерес и ценность.

Важно отметить также, что в книге последовательно проводится системный подход; показана динамика системы словообразования.

Название книги удачно отражает этот основной аспект исследования, подтверждая, что словообразование — один из важнейших действующих механизмов системы языка.

В работе Е.А. Земской удачно сочетается глубокое рассмотрение многих актуальных теоретических проблем с анализом богатого материала. Монография Е.А. Земской, на мой взгляд, интересна не только всем, кто изучает общее и русское словообразование, но и тем, кто занимается проблемами лексикологии, лексикографии и общего языкознания. Думаю, что выход в свет книги Е.А. Земской — значительное событие в мире лингвистики.

1. Земская Е.А. Относительные прилагательные как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект; Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.
2. Немченко В.Н. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. Горький. 1973.
3. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Виноградов В.В. Изобр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
4. Dolžil M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvození slov. Praha, 1963.
5. Русская грамматика. М., 1980.
6. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1984.
7. Guilbert L. La création des mots. P., 1975.

Ермакова О.П.

In honour of Professor Victor Levin. Russian philology and history / Editor-in-Chief: Moskovich W. Editorial board: Frankel J., Serman I., Shvarzband S. The Hebrew University of Jerusalem. The department of Russian and Slavic studies. Jerusalem. 1992. 410 p. (на русск. и англ. яз.).

Работы Виктора Давидовича Левина, посвященные истории русского литературного языка, языку русской литературы и русской стилистике, широко известны филологам среднего и старшего поколения. В 1974 г. В.Д. Левин эмигрировал в Израиль, и его имя исчезло с горизонта отечественной науки. С 1976 г. В.Д. Левин — профессор отделения русских и славянских исследований Еврейского Университета в Иерусалиме. Рецензируемый сборник выпущен к 55-летию его научной деятельности.

Сборник открывается кратким очерком жизни и творчества юбиляра, за которым следует "Библиография избранных трудов В.Д. Левина", содержащая, насколько мы можем судить, все наиболее существенное

из опубликованного им. Состав сборника, по крайней мере внешне, отражает круг научных интересов самого Виктора Давидовича. Основные разделы, занимающие три четверти объема книги — "Русский литературный язык", "Язык русской литературы", "Язык, литература и история", — точно повторяют разделы библиографии избранных трудов юбиляра. Но фактически диапазон представленных в сборнике тем существенно шире: наряду с собственно лингвистическими статьями здесь имеются работы по стилистике художественной литературы, чисто литературоведческие статьи, материалы по истории русско-еврейских литературных связей (они вынесены в особый раздел) и даже одна постмодернистская новелла,

написанная А.К. Жолковским. По составу авторов сборник интернационален: в нем представлены ученые восьми стран, среди которых преобладают наши соотечественники и израильтяне (в большинстве своем тоже недавние соотечественники). Из 32 статей 28 написаны по-русски. В настоящем обзоре мы попытаемся дать представление о собственно лингвистической части книги — 10 статьях, сконцентрированных главным образом в разделе "Русский литературный язык". Из этих десяти статей шесть непосредственно посвящены истории и современному состоянию русского литературного языка, три — стилистике художественной речи и одна — семантике. Но расположены они в ином, по видимости, произвольном порядке.

Первая из собственно лингвистических статей представляет собой стенограмму доклада Г.О. Винокура "Язык писателя и норма", прочитанного в октябре 1939 г. на курсах повышения квалификации писателей (с. 19—33). Как отмечает в кратком предисловии к тексту стенограммы ее публикатор Т.Г. Винокур, основная мысль доклада сегодня может показаться самоочевидной. Она заключается в том, что литература не имеет права отказываться от ответственности за общую судьбу языка. Потенциальный конфликт между литературной нормой и установкой на социальную типизацию речи в реалистической литературе во времена Тургенева и Толстого успешно разрешался по принципу "что позволено персонажу, не позволено автору"; однако после 1917 г., когда литературный язык начал, по выражению Г.О. Винокура, "расползаться" в социальном пространстве, стихия диалектной речи хлынула в литературу, захлестывая не только речь персонажей, но и авторское повествование. Г.О. Винокур призывает писателей к "скромности и даже самоотречению" (с. 32) во имя сохранения национальной литературной нормы и национальной культуры в целом.

Действительно, основные положения доклада давно вошли в тезаурус отечественной филологии, и публикация представляла бы лишь исторический интерес, если бы сегодня ситуация, о которой говорит Г.О. Винокур, не повторилась — русский литературный язык снова оказался под ударом просторечной стихии. В литературу, освобожденную от цензурных рогаток, неудержимым потоком вливается язык улицы — не только московской или петербургской, но также ньюйоркской и иерусалимской, поскольку сама русская литература "расползлась" уже не только в социальном,

но и в географическом пространстве. Хорошо это, плохо или просто неизбежно, — здесь не место затевать дискуссию по этому поводу; неоспоримое, однако, что мысли Г.О. Винокура об ответственности литературы за судьбу языка сейчас как нельзя более актуальны для писателей, издателей, лингвистов и просто "ревнителей" русской речи, как у нас, так и за рубежом.

Об актуальности и обоснованности тревоги Г.О. Винокура за судьбы литературного языка в периоды социальных потрясений наглядно свидетельствуют статья Л.П. Крысина «Социолингвистический взгляд на понятие "современный русский литературный язык"» и статья В.А. Москвича "Заметки о языке литературы русского зарубежья". В статье Л.П. Крысина (с. 117—125) современный русский литературный язык определяется как "подсистема русского национального языка, на которой говорят лица, обладающие тремя признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и/или длительное время... живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке" (с. 118) (см. также [1]). Естественно, возникает вопрос о достаточности этих критериев: можно ли считать, что речевая практика очерченного таким образом множества лиц — это и есть литературный язык в традиционном, собственно лингвистическом его понимании? Ссылаясь на данные массового обследования, предпринятого по инициативе М.В. Панова [2], автор отвечает на этот вопрос утвердительно: "это русский литературный язык" (или, во всяком случае, сильное приближение к нему)" (с. 121). Но подходит ли такое определение, например, к современному городскому молодежному сленгу, носители которого в подавляющем большинстве своем обладают указанными статусными признаками?

В соответствии со своим, так сказать, экстенциональным толкованием литературного языка автор приписывает последнему свойства гетерогенности и вариативности. Однако эта вариативность не должна все-таки выходить за определенные рамки — иначе понятие литературного языка теряет всякий смысл. Вообще не следует забывать, что это понятие, как и многие другие лингвистические концепты, есть конструкт, а не эмпирическая данность; поэтому спор о том, что такое литературный язык, строго говоря, некорректен. На наш взгляд, литературный язык разумнее толковать "интенционально" — как некую идеальную норму,

которой не обязательно соответствует вся речевая практика даже действительных членов Академии наук по отделению языка и литературы. Но в любом случае экстенсивный подход, отстаиваемый Л.П. Крысиным, выводит нас на другое понятие, которое и называться должно иначе. Приписывая статус литературного языка речевой практике указанного множества лиц, не оправдываем ли мы тем самым речевой беспредел, против которого предостерегал Г.О. Винокур?

Статья В.А. Москвича "Заметки о языке литературы русского зарубежья" (с. 126—135) наглядно демонстрирует языковые последствия упомянутого выше "расползания" русской литературы в географическом пространстве. Основная тема статьи — избираемые писателями русского зарубежья (в частности, Израиля) стратегии "представления материала, идущего от иностранного языка" (с. 128), т.е. в первую очередь реалий страны, где происходит действие и где, как правило, живет сам писатель. В.А. Москвич выделяет ряд факторов, определяющих подход писателя к такого рода материалу (аудитория, для которой предназначено произведение, оценочное отношение писателя к иностранному языку и иностранной действительности и др.), и постулирует 4 стратегии его представления: 1) восприятие и представление иностранного языка как чужеродного объекта, что выражается в буквальном переводе реалий и калькировании синтаксических конструкций; 2) полное принятие иностранного языка — включение в текст массы экзотизмов и варваризмов; 3) контролируемое введение заимствований, главным образом, в диалогах; 4) "органическое вплетение заимствований и калек... при полной открытости к иностранному материалу" (с. 129). Эта классификация иллюстрируется большим числом интересных и убедительных примеров из произведений современных русских писателей Израиля. Думается, однако, что предлагаемая автором типологическая схема могла бы быть уточнена путем последовательного разграничения авторской речи и речи персонажей.

В статье А.А. Алексева "Место П.А. Вяземского в истории русского литературного языка" (с. 145—155) исследуются те черты стиля эпистолярного наследия Вяземского, в которых отчетливо проявились новые нормы русской литературной речи, связываемые с творчеством Пушкина. К числу таких черт автор относит вульгаризацию церковнославянской стихии, повышенную и разнообразную метафоричность, широкое введение

простонародной лексики и фразеологии, а также словообразовательную импровизацию. Эти свойства стилистики писем Вяземского показаны убедительно, впечатляюще, на прекрасно подобранных примерах, которые позволяют автору сделать закономерный вывод: "письма Вяземского... дают ранние и яркие свидетельства о лингвостилистических процессах, обеспечивших сложение литературного языка с новым стилистическим обликом" (с. 152—153). И тем неожиданнее кажется следующее утверждение А.А. Алексева: "Как один из главных идеологов новой стилистики Вяземский оказывал влияние на направление и скорость этих процессов" (с. 153). Чем? Личными письмами? Это возможно, учитывая круг его корреспондентов. Но сам же автор исходит из того, что "место писателя в истории языка определяется его литературным творчеством" (с. 145), т.е. опубликованными текстами. Вяземский же как литератор не был влиятелен и оригинален, что с самого же начала признает А.А. Алексева. Следовательно, или исходный тезис статьи требует ревизии, или цитированное утверждение продиктовано увлеченностью исследователя.

Особого внимания заслуживает теоретическое положение, высказываемое автором в конце статьи. Указав на то, что частные письма от всех других жанров отличаются "особо тесной связью с устной речью" (с. 153), и подчеркнув, что по меньшей мере две из названных черт писем П.А. Вяземского "могут быть оценены как элементы устноречевого функционирования", автор довольно резко формулирует: "Таким образом, после Карамзина судьбы новой стилистики решаются в устной речи образованного общества. Новизну ситуации следует со всею настойчивостью подчеркнуть, ибо во все предшествующие столетия дело ограничивалось письменными текстами" (с. 154). Мысль А.А. Алексева вызывает симпатию, но думается, что новизну ситуации требуется еще со всею настойчивостью обследовать; возможно, что в начале XIX в. решение судеб новой стилистики действительно стало делом преимущественно устной речи (хотя и это еще нужно доказать), но сопровождать данное утверждение столь упрощенным решением той же дилеммы по отношению к предшествующим векам вряд ли целесообразно. По сути дела, А.А. Алексевым здесь поставлена сложная проблема о соотношении влияний устной и письменной форм речи на развитие литературного языка — проблема, еще далекая от окончательного решения.

Н.И. Толстой, реконструируя в своей

статье "Взгляды А.Н. Пыпина на историю русского литературного языка (Страничка из истории русской лингвистики)" (с. 156—169) систему взглядов А.Н. Пыпина на историю русского литературного языка на основе первой книги его четырехтомной "Истории русской этнографии" (СПб., 1890—1892), убедительно доказывает, что известный русский ученый "заложил один из первых камней в фундамент науки об истории русского литературного языка" (с. 167). По справедливому мнению автора, "это не следует предавать забвению", ибо история этой дисциплины еще не написана. Отдельный акцент Н.И. Толстой делает на мысли А.Н. Пыпина "об известном параллелизме и некоторой взаимозависимости развития русского общественного сознания и общественной мысли, русской литературы и русского литературного языка (там же). Действительно, эта обширная и "благодарная", как говорит Н.И. Толстой, проблема еще ждет своего исследователя — непредвзятого и не отягощенного идеологическими ризами.

В статье «К истории деепричастия "будучи"» (с. 170—179) Г. Хюттль-Фолтер (Вена) рассматривает обороты с этим деепричастием в переводе "Разговоров о множестве миров" Фонтенеля, выполненном А. Кантемиром (1730 г.). Работа удачна по выбору материала: сопоставление переводного текста с французским оригиналом позволяет автору бесспорно отделить случаи калькирования оригинального синтаксиса от "естественного" употребления оборотов с *будучи*. По данным автора, из примерно полусотни таких оборотов в тексте перевода лишь 13 соответствуют аналогичным оборотам с *étant/ayant* в оригинале. В статье дана классификация конструкций с *будучи* в тексте А. Кантемира, отдельные примеры подробно проанализированы.

Работе, однако, недостает последовательности в реализации замысла: информация о времени распространения оборота с *будучи*, обрамляющая статью, выглядит лишь рамкой и никак не обеспечена ее содержанием. В то же время интересные наблюдения, которые читатель найдет в статье, автором не обобщены. Размышляя об "экспансии" *будучи* в литературном языке XVIII в., Г. Хюттль-Фолтер указывает на такие причины этого явления, как 1) "длина и комплексность французских периодов", 2) "дефектность глагола *être* в настоящем времени, потому что *будучи* передает 15 раз личные формы глагола *être* в настоящем времени, чтобы избежать нулевой связки" (с. 171—172). Между тем можно предположить, что эта "экспансия" представляет

собой возвращение деепричастию функции "аппозитивного" причастия (А.А. Потебня). Развившееся, как известно, из формы им. пад. ед.ч. именного ("краткого") действительного причастия, деепричастие утрачивает атрибутивную функцию: уже в "Повести временных лет" отмечаются случаи расхождения деепричастия с подлежащим [3]. Оборот с *будучи* выступает в роли нового дуплексива с гибридной атрибутивно-обстоятельственной функцией, как бы восполняя утраченные причастные формы и сближаясь с "аппозитивными" причастиями. Отметим, кстати, что эта двойственная функция позволяет обороту с *будучи* сохранять определенное положение и в современном литературном языке.

В статье М.В. Панова "Позиционные отношения в стилистике" (с. 136—144) высказывается мысль о возможности применения некоторых понятий фонологии к исследованию художественной речи. По мнению автора, и в этой области полезно разграничивать свободно избираемое и обусловленное контекстом. В частности, в художественной речи обнаруживаются явления, позиционно оправдывающие отступление от норм данного текста и делающие их эстетически значимыми. В некоторых текстах такая компенсация отклонений от нормы получает определенную мотивировку в виде апелляции к иной стилевой или диалектной системе, к иной поэтической традиции. Высказывается также осторожное предположение: может быть, особенность художественного текста и заключается в том, что "в ряду стилистических средств каждое из них является компенсатором для другого?" (с. 142).

Думается, что эта последняя формулировка приложима не только к художественному, но и к любому другому стилистически однородному тексту: множественные проявления жанровых и индивидуальных норм, которым подчиняется текст, поддерживают друг друга, сигнализируя тем самым жанр и создавая образ субъекта речи.

Вторая из статей, посвященных стилистике художественной речи, написана Б.С. Шварцкопфом и называется "О приеме антипарцелляции" (с. 180—184). Сущность этого приема, используемого для передачи внутреннего монолога, заключается в "стремлении к объединению нескольких предложений, составляющих абзац, в одно, стремление представить их как одну укрупненную единицу" (с. 182). Синтаксически самостоятельные предложения разделяются в этом случае не точкой, а точкой с запятой. Автор связывает этот прием с другими проявле-

ниями тенденции к "дроблению синтагматической цепочки" и формированием актуализирующего типа художественной прозы (по Н.Д. Арутюновой [4]). К этому можно было бы добавить, что антипарцелляция отражает недискретность потока сознания и давно используется в западной прозе соответствующих направлений (в частности, в творчестве Д. Джойса, Ф. Дюрренматта, К. Симона). Не случайно этот прием так распространен в прозе Юл. Семенова — писателя, творчество которого по сути своей вторично.

В статье Н.А. Кожевниковой "О соотношении прямого и метафорического словоупотребления в русской прозе начала XX века" (с. 185—196) развивается мысль о том, что увеличение роли тропов в русской прозе начала XX в. приводит к существенным изменениям в общем характере повествования: для структуры художественного текста этого периода "характерны колебания от прямых к косвенным обозначениям и обратно" (с. 186). На огромном количестве отлично подобранных примеров из произведений Белого, Чехова, Бунина, Замiatина, Ремизова, Андреева, Бабеля и др. автор показывает, как прямые и косвенные обозначения сочетаются в тексте, как они систематически употребляются совместно в аналогичных синтаксических позициях, хотя "конструкция однородных членов изначально предполагает семантическую однотипность объединяемых слов" (с. 187). Выделяются сочетания прямых обозначений с метафорами-сравнениями, метафорами-загадками разного происхождения и характера, метонимическими обозначениями, сочетания слов в прямом значении и адективных метафор в ряду однородных определений, сочетания прямых номинаций и метафор в сложных предложениях и развернутых фрагментах текста.

Обилие имен и примеров неопровержимо свидетельствует о том, что речь идет не о явлениях индивидуального стиля, а об общей тенденции языка русской прозы указанного периода. Теоретически рассуждая, сомнение могло бы вызвать лишь интуитивно кажущееся верным утверждение автора, что для литературы XIX в. такие явления в целом не характерны, — подкрепить его примерами, естественно, нельзя. Придать ему большую доказательность могли бы лишь данные статистического обследования.

Значительный интерес представляет статья К. ван Схоневельда (C. van Schooneveld, La Roche-Sur-Foron) "Towards a semantic classification of the Russian conjugations" (с. 89—116), букв.: "К семантической классифи-

кации русского спряжения". Однако автор понимает спряжение весьма широко: на самом деле статья посвящена семантике глагольных "тематических" суффиксов-гласных: *-а-*, *-и-*, *-е-* и др. Идея автора заключается в том, чтобы применить разработавшуюся им на протяжении четырех десятилетий систему описания "семантической структуры русского языка" к анализу глагольных суффиксов. Суть этой системы состоит в следующем: "семантическая структура русского языка, как лексическая, так и грамматическая, может анализироваться при помощи шести концептуальных (семантических) признаков": "множественность" (plurality), "отграниченность" (demarcatedness), "пред-идентичность" (preidentity), "верификация" (verification), "сокращение" (cancellation), "объективность" (objectiveness) (с. 91—92).

Итогом работы оказываются три утверждения: "1) глагольные суффиксы русского языка имеют каждый свое значение; 2) эти значения суть варианты общего набора инвариантов, который выявляется (повторяется) в различных морфологических категориях русского языка...; 3) *-ыва-* отмечен признаком множественности, *-а-* отмечен признаком отграниченности, *-и-* отмечен признаком пред-идентичности, *-е-* отмечен признаком верификации, *-ну-* отмечен признаком сокращения" (с. 112—113).

Попытка выявить глубинные операциональные значения "тематических гласных" — глагольных суффиксов не может не вызвать интереса, равно как и уважения к смелости автора. Представляется заслуживающей самого пристального внимания русистов и система описания семантики в целом, предлагаемая К. ван Схоневельдом. К сожалению, не все детали этой системы в одинаковой степени прояснены; особенно это касается "4-х уровней дейксиса", которые получили в статье лишь самую краткую и обобщенную характеристику на с. 95.

По целому ряду частных вопросов с автором можно спорить. Например, вызывает сомнение однозначное утверждение, что суф. *-е-* (*-еж-*) отмечен признаком верификации и что "здесь мы имеем дело с включением (insertion) процесса в отображаемую ситуацию" (с. 102). Допустим, что это верно для глаголов типа *белет*; но как быть с глаголами *довлеть*, *говеть*, *владеть*, *жалеть*?

Аналогичные сомнения возникают и по поводу всех других суффиксальных групп глаголов, внутри которых не проводится последовательных разграничений ни по виду, ни по способу действия, ни по признакам

производности/непроизводности, переходности/непереходности и т. д. (некоторые из этих разграничений используются лишь спорадически).

Глагольная семантика понимается К. ван Схоневельдом как словарная данность (при том, что многозначные слова чаще всего анализируются автором в совокупности их основных значений). Однако анализ глагольной семантики вне контекста, по-видимому, вообще невозможен, поскольку процессуальное значение полностью выявляется лишь в высказывании. Опора на экспликацию исключительно словарного типа в ряде случаев приводит автора к недостаточно убедительным результатам.

В этом можно усмотреть нечто большее, нежели просто неадекватной способ экспликации языковых значений. Речь идет о представлении языковой семантики (и языка в целом) в качестве строго заданной структуры, с четкими разбиениями множеств на подмножества, с однозначной функциональной специализацией элементов и т. п., в сознательном отвлечении как от фактов диахронии, так и от функционирования системы. Взгляд знакомый. Однако современное лингвистическое мышление, видимо, все же предполагает и представление о том, что исследование, выдержанное в подобных ориентирах, находится в отношениях дополнительности с исследованиями функционального плана, а в иде-

але — и с диахроническими. Именно этого представления (хотя бы в качестве фона) недостает, как кажется, работе К. ван Схоневельда.

Краткий обзор помещенных в лингвистическом разделе сборника материалов показывает их тематическое и методологическое разнообразие, что можно считать скорее достоинством, чем недостатком книги. Статьи различны и по своей научной ценности. Тем не менее сборник в целом представляет собой значительный вклад в науку о русском языке. Косвенное подтверждение этому мы видим в том, что живейший интерес специалистов к этой книге возник практически одновременно с ее выходом в свет и значительно опередил настоящую рецензию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык по данным массового обелелования / Под. ред. Крысина Л. П. Кн. I—IV. М., 1974.
2. Русский язык и советское общество / Под. ред. Панова М. В.: В 4-х т. М., 1968.
3. Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968. С. 103 и сл.
4. Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972.

Долинин К. А., Дымарский М. Я.

Технический редактор *Н. И. Салюк*

Слано в набор 27.10.93	Подписано к печати 24.12.93	Формат бумаги 70×100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отт. 31,9 тыс.	Уч.-изд. л. 16,7	Бум. л. 5,0
Тираж 2407 экз.		Зак. 602		Цена 80 р.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-74-42

Московская типография № 2 ВО "Наука", 121099, Москва, Г-99 Шубинский пер., 6